

УДК 11. 111. 373

Лызлов А.И.

Смоленский государственный университет

**ОБ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКЕ КОНЦЕПТОВ
«ДРУГ» И «ВРАГ» В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЯХ**

A. Lyzlov

Smolensk State University

**ON THE EVALUATIVE SEMANTICS OF THE CONCEPTS "FRIEND"
AND "ENEMY" IN ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBS**

Аннотация. В основе статьи – результаты сравнительно-сопоставительного анализа когнитивно-оценочных признаков, объективированных концептами «друг» и «враг», вербализованных в английских и русских паремических единицах. Семантика паремий многоаспектна. Анализируемые концепты позволяют объективировать положительные и отрицательные оценочные значения паремических единиц, иными словами, они амбивалентны. Паремические картины мира обоих языков в рамках рассматриваемых концептов характеризуются значительной степенью сходства.

Ключевые слова: паремия, образ, положительная оценка, отрицательная оценка, концепт, признак, картина мира.

Abstract. The article is based upon the results of the comparative analysis of cognitive evaluative features, objectified by the concepts "friend" and "enemy" expressed in Russian and English proverbs and sayings. Proverbial semantics is many-sided. These concepts can objectify both positive and negative evaluative meanings of proverbial expressions; in other words, they are ambivalent. The proverbial mapping of both languages, in the sphere of the given concepts, is characterized by significant similarity.

Key words: proverb, image, positive evaluation, negative evaluation, concept, feature, mapping.

Пословицы и поговорки – часть системы языковых явлений, которые носят название малых речевых жанров, или паремий. Термин *паремия* происходит от древнегреческого слова *paroimia*, которое означает «поговорка, пословица, изречение, притча». Термин появился в средние века. Изначально он связывался с чтением притч из Священного Писания во времена вечернего богослужения в церкви накануне праздников. Книжки, содержащие эти притчи, назывались паремииониками. Позже термин получает распространение не только в религиозной сфере, но и в фольклористике [2, с. 26].

Семантика паремий многоаспектна. Так, В.Н. Телия отмечает прагматическую ценность связных сочетаний [7, с. 21]. Паремии в значительной мере способны выражать отношение говорящего к окружающему миру, стремление говорящего воздействовать на слушающего.

Многие концептуальные единицы в рамках конкретных образных высказываний могут объективировать оценочную семантику. Н.Ф. Алефиренко описывает содержание концепта как взаимодействие когнитивной, эмотивно-оценочной и языковой сфер. Каждая из этих сфер находит особое преломление в содержании концепта, делая его многоярусным образованием, выполняющим роль речемыслительного посредника между языковым знаком и мыслительными корреляциями этого знака – образами, представлениями и понятиями [1, с. 80].

Анализируя понятие концепта, В.В. Красных отмечает сложный характер этого понятия, которое, с одной стороны, представляет собой максимально абстрагированный ментальный конструкт, а с другой – обладает способностью репрезентироваться в языковом сознании в

виде конкретных структур [6, с. 96]. Кроме того, концепт характеризуется национально-культурной маркированностью.

Различные концептуальные образования находят отражение в паремическом тезаурусе. Система взглядов и представлений языкового сообщества, складывающаяся в картину мира, имеет выражение при помощи разных лексико-стилистических средств, в том числе и паремических. Идеи В. фон Гумбольдта послужили основой для развития теории языковой картины мира, которая показывает отношение автора к языку как к «миру, лежащему между миром внешних явлений и внутренним миром человека», как средству, «заложеному в самой природе человека и необходимому для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [4, с. 51].

Современными учёными вводятся понятия «паремическая картина мира» и «провербиальная картина мира». Они описывают картину мира, объективированную в связанных сочетаниях и отражающую интеллектуальное и эмоционально-ценностное отношение народа к миру [2, с. 25]. Как отмечает Е.В. Иванова, поговорки образуют достаточно обозримый и законченный участок языковой системы, в котором реализуются языковые концептуальные образования, иными словами, они представляют собой важный участок картины мира [5, с. 162].

Н.Д. Арутюнова указывает на неразрывную связь между понятиями оценки и картины мира. Для того, чтобы оценить объект, человек должен рассмотреть его относительно собственной системы ценностей. Природа оценки отвечает природе человека. Картина мира, или «идеализированная модель мира», по её мнению, состоит как из макромира, так и из микромира, то есть самого мыслящего субъекта. Как утверждает Н.Д. Арутюнова, «в идеализированную модель мира входит и то, что уже есть, и то, к чему человек стремится, и то, что человек воспринимает, и то, что он потребляет, и то, что он создаёт, и то, как он действует и поступает; наконец, в неё целиком и полностью входит и сам человек» [3, с. 5]. В основе образной оценки находят-

ся когнитивный оценочный признак. Под когнитивно-оценочным признаком мы понимаем элемент плана содержания оценочного высказывания, репрезентирующий знания аксиологического характера.

По утверждению В.П. Аникина, паремии, как частное проявление художественного творчества, возникают и развиваются на основе быта и в связи с ним [2, с. 177]. Противопоставление по признаку «свой – чужой» издавна свойственно человеческому коллективу [8, с. 212]. Рассмотрим образы, реализующие концепты «друг» и «враг», которые выражают оценку, основываясь на том или ином когнитивно-оценочном признаке, в рамках паремических высказываний.

Дружба как ценность. Чем дольше длится дружба, тем большую ценность она представляет, что подтверждает образ старого вина в паремии: *old friends and old wine are the best* [13] – букв.: ‘нет ничего лучше старого вина и старых друзей’. Данная единица сопоставима по своей семантике с русской паремией: *старый друг лучше новых двух* [10].

В пословицах утверждается приоритет дружбы над деньгами, богатством: *a friend in court is better than a penny in purse* [11] – букв.: ‘друг при дворе лучше пенни в кошельке’. Русские паремические единицы *не имей сто рублей, а имей сто друзей* [10]; *друг рубль дороже* [10] раскрывают семантику предпочтений, в которых дружба рассматривается как наивысшая ценность. Дружба в русской паремической картине мира ценится выше богатства.

Дружеские отношения не должны идти вразрез с деловыми отношениями, иной раз может возникнуть конфликт интересов: *дружба дружбой, а служба службой* [10]. В подобном случае англоязычная картина мира оперирует высказыванием: *business is business* [14] – букв.: ‘бизнес есть бизнес’. Таким образом, можно отметить, что чувство долга, ответственность ставится в русской картине мира выше выгод, которые может дать дружба.

Семантика предпочтений в паремии *a friend's frown is better than a foe's smile* [9] (букв.: «хмурое лицо друга лучше, чем улыбка врага») говорит о том, что нужно прислушаться

к критике друга, нежели к лести врага. Для аксиологического анализа семантики данной единицы ключевыми понятиями являются «друг» и «враг». Помощь друга ценится особенно высоко, когда нет возможности получить помощь от родственников: *a friend nearby is better than a brother far off* [13] – букв.: ‘лучше друг рядом, чем брат далеко’.

Русская паремическая картина мира рассматривает взаимоотношения в семье как наивысшую ценность. Причём семейные отношения рассматриваются как более приоритетные, чем дружеские. Об этом повествует паремия с элативной семантикой: *нет такого дружка, как родная матушка* [10]. Внутрисемейные отношения также подвержены оценочной градации: *три друга: отец, да мать, да верная жена* [10].

Предпочтительность в сохранении дружбы. Дружба – одна из наивысших ценностей. Сохранение дружбы – одна из первоочередных прагматических задач. Данную идею описывают паремии: *better lose a jest than a friend* [12] (букв.: ‘лучше упустить возможность пошутить, чем потерять друга’); *better a lean peace than a fat victory* [15] (букв.: ‘худой мир лучше доброй ссоры’). Последняя из приведённых единиц имеет в русском языке дословный эквивалент.

Русская паремическая картина мира отмечает, что собственное «я» является для человека наивысшей ценностью. Паремия *делай другу добро, да себе без беды* [10] порицает стремление помочь ближнему в ущерб самому себе. При этом моральный постулат о том, что человек не должен желать другому того, чего не желает сам, преобразуется в паремическую единицу: *не пожелай другу, чего сам не желаешь* [10].

Зачастую денежные интересы расходятся с дружескими интересами. Попытка совместить первые со вторыми могут принести вред. Об этом предупреждает нас паремическая единица: *если хочешь врага нажить, дай денег взаймы* [10]. Данная единица перекликается с английской паремией: *if you want to lose a friend, lend him some money* [15] – букв.: ‘если хочешь потерять друга, займи ему денег’.

Неискренность в дружбе. В паремиях осуждается поверхностная, ненастоящая дружба, дружба без разбора. Паремическая единица: *before you choose a friend eat a bushel of salt with him* [13] (букв.: ‘прежде, чем выберешь друга, съешь с ним бушель соли’) советует нам тщательно и долго проверять человека, который может стать другом. Лишь только обоюдная заинтересованность приводит к укреплению и развитию дружеских отношений. В противном случае подобного рода отношения рано или поздно закончатся разрывом. Об этом повествует паремия: *friendship cannot stand always on one side* [13] (букв.: ‘дружба не может существовать за счёт одной стороны’).

Прагматика осуждения злоупотребления расположением других представлена в паремии: *a friend to all is a friend to none* [14] – букв.: ‘тот, кто дружит со всеми, не дружит ни с кем’. Тот, кто стремится быть другом для всех – неискренний человек и не заслуживает дружбы. В английской паремиологии порицается нахлебничество, стремление часто бывать в гостях: *a constant guest is never welcome* [11] – букв.: ‘частого гостя радушно не встречают’. Даже лучшие из друзей требуют внимания к себе, иной раз в ущерб важным делам, поэтому в паремии *friends are thieves of time* [13] (букв.: ‘друзья – воры нашего времени’) друзья предстают в метафорическом описании как воры времени.

Прагматика единицы *false friends are worse than bitter enemies* [11] (букв.: ‘неискренний друг хуже, чем злейший враг’) направлена на оценку тайных недоброжелателей как наиболее опасных людей и осуждение неискренности дружеских чувств. Данная паремическая единица имеет вариант: *better an open enemy than a false friend* [13] – букв.: ‘лучше открытый враг, чем неискренний друг’. Содержание их идентично. Данные компаративно-оценочные высказывания отличаются оценочными модификаторами: «хуже» встречается в первой из упомянутых паремий и «лучше» – во второй. Соответственно меняются местами сопоставляемые объекты: «неискренний друг» и «злейший/открытый враг».

Антитеза рассматриваемых понятий встречается в русской паремической единице: *не бойся врага умного, бойся друга глупого* [10]. В русской паремии отсутствует прямая оценочная шкала, объективированная понятиями «лучше» / «хуже». Оценка в русской паремии концентрируется в рамках семантики глагола сказуемого. Страх всегда соотносится с отрицательной семантикой.

Идея осуждения неискренности людей, стремящихся получить выгоду под личиной дружбы, описывают единицы: *был бы друг, будет и досуг* [10], *были бы пирожки, будут и дружки* [10]. Они говорят о том, что состоятельные и успешные люди никогда не имеют недостатка в тех, кто готовы разделить наши радости и удовольствия, но искренними эти отношения не назовёшь. От чрезмерного стремления полагаться на друзей нас предостерегает русская пословица: *на друга надеяться, самому пропадать* [10].

Дружеские отношения невозможно построить с позиций выгоды. Деньги не помогут найти друга. Русская паремия *друга за деньги не купишь* [10] имеет английский эквивалент. Нужно отметить, что в английской паремической единице *friendship is not to be bought at a fair* [13] (букв.: «дружбу на рынке не купишь») указывается на место, а не на способ приобретения желаемого.

Осмотрительность по отношению к врагам. Английская паремия *there is no little enemy* [12] (букв.: «маленьких врагов не бывает») предостерегает от пренебрежительного отношения к тем недоброжелателям, которые кажутся неопасными. Семантика отрицания усиливает эмоционально-оценочный эффект данной единицы. Иной раз даже незначительный человек может причинить серьёзные неприятности. Семантика паремических высказываний *he laughs best who laughs last* [14] (букв.: «хорошо смеётся тот, кто смеётся последним»), *he laughs best who laughs longest* [15] (букв.: «лучше всех смеётся тот, кто смеётся дольше всех»), *don't boast until you see your enemy dead* [12] (букв.: «не хвастайся, пока не увидишь своего врага мёртвым») предупреждает человека, что не следует заранее

праздновать победу над врагом. В приведённых выше паремиях победа объективируется с помощью ситуации торжествующего смеха. Паремия *take heed of reconciled enemies* [11] (букв.: «опасайся раскаявшихся врагов») советует не доверять тем из недоброжелателей, кто выказывает стремление к дружбе.

В английском паремическом тексте *never tell your enemy that your foot aches* [12] (букв.: «не следует говорить своему врагу, что у тебя болит нога») порицаются люди, выказывающие слабость перед неприятелем. В ней для объективации страдания задействуются соматические образы.

Идея о том, что наибольший вред, так же, как и наибольшее благо, человек творит сам, выражается в английской паремической единице: *a man is nobody's worst enemy but his own* [13] – букв.: «нет худшего врага для человека, чем он сам». Поэтому человек должен остерегаться не только происков недоброжелателей, но и собственных неразумных действий. В русской паремической картине мира можно встретить схожее по смыслу высказывание: *сам себе и друг, и недруг* [10]. Русская единица характеризуется отсутствием эмоционального заряда, присущего английской единице, в которой задействована превосходная степень сравнения прилагательного, выражающего оценку.

Русская паремия *грозен враг за горами, а грозней того за плечами* [10] при общем негативном отношении к врагам выстраивает оценочную шкалу разного рода врагов; согласно ей наиболее опасными являются те недоброжелатели, которые находятся рядом с нами.

Милосердие к врагам. Семантика английской паремии *a foe vanquished is a foe no more* [9] (букв.: «поверженный враг – больше не враг») выражает амбивалентный характер отношения к врагам и советует быть с ними милосердным. В русской паремиологии присутствует единица со схожей семантикой: *лежащего не бьют* [10]. Примечательно, что поверженный враг – «лежащий» – не назван в ней напрямую.

Примечательно, что русская паремическая картина мира характеризуется незна-

чительным количеством единиц, в которых присутствует концепт «враг». Английские паремии чаще задействуют данный концепт. Некоторые из русских паремических единиц являются заимствованиями из других, более древних источников. В качестве примера подобного заимствования можно привести единицу: *язык мой враг мой* [10]. Данная сентенция встречается в паремиологических текстах многих языков.

Подводя итоги, отметим, что образная составляющая концептов «друг» и «враг» весьма разнообразна. Как в английской, так и в русской паремической картине мира оба концепта обладают значительным оценочным потенциалом. Паремические высказывания, в плане содержания которых задействованы описываемые концепты, выражают как положительно-, так и отрицательно-оценочные признаковые значения, иными словами, они амбивалентны. Эти образы выражают такие положительные когнитивно-оценочные признаки, как предпочтительность в сохранении дружбы, в них дружба описывается как величайшая ценность. В паремиях порицается неискренность в дружбе, между тем они призывают нас проявлять милосердие к врагам. Паремии предостерегают нас от вражеских козней, они учат человека проявлять осмотрительность по отношению к врагам. Таким образом, проведённый сопоставительный анализ выявил значительное сходство в объективации концептов «друг» и «враг» в английской и русской паремических картинах мира.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М.: Высшая школа, 2001. – 239 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русск. культ., 1998. – 895 с.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языковедению. – М.: Прогресс, 2000. – 396 с.
5. Иванова Е.В. Антропоцентризм в пословице // Антропоцентризм в языке и речи: межвуз. сб. ст. /отв. ред. Л.П. Чахоян. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. – С. 162-168.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
7. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связное значение слова в языке / отв. ред. А.В. Уфимцева. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
8. Jackendoff R. Patterns in the mind. – N.Y., 1994. – 300 p.

Источники языкового материала:

9. Васильева Л. Краткость – душа остроумия. Английские пословицы, поговорки, крылатые выражения. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 350 с.
10. Даль В.И. Сборник пословиц и поговорок русского народа. В 2 т. Т. 1 / В.И. Даль; вступ. ст. В.И. Даля. – М.: Художественная литература, 1989. – 350 с.
11. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.
12. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – 467 с.
13. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 590 p.
14. The Oxford dictionary of proverbs / ed. by Jennifer Speakes. 5th edition. – NY: Oxford University press, 2008. – 388 p.
15. The Wordsworth dictionary of proverbs / G.L. Apperson [et al.]. Wordsworth editions Ltd. – Hertford-London, 2006. – 656 p.